

БУХАРИН

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ЭПОХ:

ИДЕИ,
ВЛАСТЬ
И СУДЬБА
ОДНОГО
ЧЕЛОВЕКА

ИИ

Арина Соловьёва

Арина Соловьёва

**Бухарин на перекрёстке
эпох: идеи, власть и
судьба одного человека**

«Автор»

2026

Соловьёва А.

Бухарин на перекрёстке эпох: идеи, власть и судьба одного человека / А. Соловьёва — «Автор», 2026

Когда человек помогает строить новую власть, а затем спорит с её курсом, что определяет его судьбу — сила идей или устройство самой власти?

Николай Бухарин прошёл путь от московского школьника и подпольщика до теоретика большевизма. Спор с Лениным помог ему обрести собственный голос. Он участвовал в создании советского государства, отстаивал НЭП и компромисс с крестьянством, но проиграл борьбу за курс партии. Его судьба — переплетение убеждений, политических расчётов, ответственности и цены несогласия. От революции 1905 года до процесса и посмертной реабилитации книга прослеживает путь Бухарина и его наследие. Она адресована тем, кто интересуется историей России, политической мыслью и механизмами власти: помогает увидеть эпоху без ярлыков и понять, почему права и убеждения уязвимы без институтов, способных их защитить. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Соловьёва А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Россия на пороге перемен: семья Бухариных, детство и образование	6
Революция как выбор: 1905 год, подполье и вступление в большевистскую партию	10
Между Россией и эмиграцией: Ленин, партийная борьба и становление теоретика	14
1917 год: возвращение, революция и первые решения новой власти	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Арина Соловьёва
Бухарин на перекрёстке эпох: идеи,
власть и судьба одного человека

Бухарин на перекрёстке эпох: идеи, власть и судьба одного человека
Арина Соловьёва

Россия на пороге перемен: семья Бухариных, детство и образование

Осенью 1888 года Москва жила сразу в нескольких ритмах. Один задавали расписания уроков, школьные звонки и тетради, которые следовало заполнить ровным почерком. Другой — железная дорога, фабричные смены, растущие улицы, газетные споры и столкновения людей, которым приходилось делить один город, но не одну жизнь. Это не запись конкретного утра в доме Бухариных: семейный дневник с такими подробностями до нас не дошёл. Скорее, это рамка, в которой началась история Николая Бухарина.

Он родился в Москве 9 октября по старому стилю, или 21 октября по новому, 1888 года. Между семейным бытом и историческим потрясением тогда ещё лежало расстояние. Но оно быстро сокращалось. Чтобы понять, как юноша из учительской семьи пришёл в революционную политику, важно не объявлять детство предисловием к заранее известному финалу. Лучше составить карту: дом, школа, университет, городские улицы и общественные пространства. На ней будут не все ответы — зато станут видны условия, в которых человек учился думать и выбирать.

Дом, где образование было повседневностью

Отец Николая, Иван Гаврилович Бухарин, был учителем математики, позднее служил в системе народного образования. Мать, Любовь Ивановна, также была связана с педагогической работой. В середине 1890-х годов служба отца привела семью в Кишинёв; позднее Бухарины вернулись в Москву. Эти сведения важны не как готовый психологический портрет, а как факты среды: мальчик рос в семье, для которой обучение было не отвлечённым благом, а профессией и способом устроить жизнь.

Такое происхождение не делало Бухарина ни наследником привилегированной элиты, ни представителем промышленного пролетариата. Его семья принадлежала к образованным городским слоям, зависевшим от государственной службы и школьной системы. Положение было достаточно устойчивым, чтобы дать сыну шанс на гимназическое образование, но не превращало его в человека, отгороженного от перемен страны. Учительская семья находилась близко к учреждениям империи — и одновременно зависела от них.

Здесь полезно удержать простую мысль: семья передаёт не только убеждения, но и инструменты. Чтение, умение работать с текстом, привычка к систематическому обучению — это не политическая программа. Однако такие навыки позволяют позже осваивать сложные идеи, сравнивать доводы, вступать в дискуссии. Они расширяют поле возможного, но не указывают единственный путь. Сын учителя мог стать учителем, чиновником, учёным или революционером. Само образование не выбирало за него.

В детстве Николай некоторое время жил в Кишинёве, тогдашнем центре Бессарабской губернии. Этот эпизод напоминает, что «детство в Москве» не было непрерывной жизнью в одном дворе и на одной улице. Семья перемещалась вслед за службой отца; частная биография была включена в большую административную географию империи. Но здесь требуется осторожность: переезд сам по себе не доказывает ни особого влияния южного города на будущие взгляды Бухарина, ни какой-то определённой внутренней реакции. Он отмечает возможность опыта, а не его содержание.

У семейной истории есть и другие границы. Мы знаем важные даты, профессию родителей, города, в которых жила семья, и основные ступени образования Николая. Но подробный ежедневный распорядок, разговоры за столом, любимые книги в конкретном возрасте и личные переживания мальчика восстановить надёжно удаётся не всегда. Там, где документы

молчат, воображение легко подменяет знание. Историческое повествование должно замечать эту пустоту, а не заполнять её выдуманными репликами.

Москва как школа без классной комнаты

К возвращению Бухариных Москва была городом стремительного роста. Перепись 1897 года насчитала в городе около 1,04 миллиона жителей. За этой цифрой — не безликая толпа, а разные миры, поставленные рядом: фабричные рабочие, торговцы, ремесленники, чиновники, студенты, домашняя прислуга, владельцы предприятий. Москва была и важным промышленным центром, и узлом железных дорог, и городом университетов, гимназий, газет, театров и библиотек.

Городская карта предлагала ребёнку не только адреса, но и контрасты. Школьное здание говорило о порядке, программе и продвижении по ступеням образования. Фабрика — о труде, который подчинялся сменам и производственной дисциплине. Университет — о новых знаниях и спорах. Улица соединяла эти пространства, хотя люди, жившие на разных её отрезках, могли почти не встречаться. Для юного Бухарина Москва была не декорацией его будущих идей, а средой, где становились заметны различия между теми, кто учился, теми, кто работал на производстве, и теми, кто распоряжался ресурсами.

Но важно не приписывать Бухарину каждое впечатление, которое мог получить житель большого города. Мы не можем утверждать, что конкретная фабричная проходная изменила его взгляды или что он ежедневно видел именно те сцены, которые мы связываем с индустриальной Москвой. Надёжнее говорить о доступной ему городской реальности и о возможностях контакта с ней. Позднее Бухарин включился в революционную деятельность и работу среди рабочих; значит, расстояние между образованием и политической практикой оказалось преодолимым. Но это не означает, что оно исчезло в один день.

Гимназия и университет

Бухарин учился в Первой московской гимназии и окончил её в 1907 году. Гимназия давала систематическое среднее образование и открывала путь к университету. Для сына учителя этот путь был реален, но не автоматичен: он требовал времени, подготовки, семейных ресурсов и успешного прохождения учебных ступеней. В этом и состояла сила школьного образования — оно могло переводить человека из одной социальной среды в другую, хотя доступ к нему распределялся неравномерно.

Гимназический курс был шире, чем профессиональная подготовка к одной работе. Он приучал к дисциплине занятий и к освоению большого количества материала; классическое образование включало языки, историю, литературу и другие предметы. Это не значит, что школа автоматически учила свободно мыслить или воспитывала революционеров. Учебное заведение могло одновременно давать инструменты знания и требовать подчинения установленному порядку. Как именно ученик использует полученные инструменты, зависит не только от программы, но и от того, какие вопросы возникают за пределами класса.

В 1907 году Бухарин поступил в Московский университет на юридический факультет. Университет оказался следующей ступенью — не только образовательной, но и общественной. В университетской среде пересекались преподаватели, студенты, научные дисциплины и политические кружки. Высшая школа была пространством знания, но в условиях империи она становилась и пространством столкновения с вопросами о власти, правах и устройстве государства. При этом Бухарин университетского курса не завершил. Его образование развивалось не только в стенах учебного заведения: важную роль всё заметнее играли политическая работа и самостоятельное чтение.

Так складывается маршрут, но не лестница, по которой каждый шаг неизбежно ведёт к следующему. Учительская семья дала доступ к школьной культуре. Гимназия позволила пройти к университету. Университетская среда сблизила обучение с общественными спорами. Ни один из этих пунктов сам по себе не объясняет, почему Бухарин выбрал именно револю-

ционную политику. Зато вместе они показывают, откуда у него были знания, круг общения и возможность включиться в дискуссию.

Точка маршрута

Что известно

Что можно осторожно заключить

Семья

Родители Бухарина были связаны с педагогической работой; отец служил в системе народного образования

Образование было частью повседневного семейного уклада, но не предопределяло политических взглядов сына

Кишинёв и Москва

В детстве семья некоторое время жила в Кишинёве, затем вернулась в Москву

Семейная жизнь зависела от служебной географии империи; значение переезда для взглядов Бухарина нельзя считать установленным

Первая московская гимназия

Бухарин учился там и окончил гимназию в 1907 году

Школа дала ему формальную образовательную траекторию и путь к университету

Московский университет

В 1907 году он поступил на юридический факультет, но университетского курса не завершил

Высшая школа стала частью его интеллектуального и общественного опыта, однако формальное обучение уступило место политической деятельности

Москва начала XX века

Город сочетал промышленный рост, неравенство, образовательные учреждения и политические споры

Большой город расширял круг возможных встреч и идей, но не диктовал человеку готовый выбор

1905 год: когда привычный порядок перестал казаться неподвижным

Пока Бухарин учился в гимназии, Россия входила в полосу кризиса. Русско-японская война, революционные события 1905 года, массовые забастовки, создание Государственной думы и Манифест 17 октября изменили политический язык страны. То, что прежде обсуждалось в узких кругах, всё чаще выходило на улицы, в университеты, на предприятия и страницы газет. Москва стала одним из центров этих событий; в декабре 1905 года в городе произошло вооружённое восстание.

Николай был ещё подростком: в начале 1905 года ему было шестнадцать, осенью исполнилось семнадцать. Его возраст важен не как объяснение — «молодой, поэтому революционер», — а как обстоятельство. Он оказался на пороге взрослой жизни в момент, когда общественные конфликты становились видимыми и требовали ответа. Школьное образование давало язык и навыки, но улица и политическая борьба предлагали иной урок: идеи можно связывать с организациями, действиями и риском.

По биографическим сведениям, Бухарин включился в революционные кружки и работу среди рабочих. В 1906 году он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую пар-

тию и примкнул к большевистскому крылу. Это уже не просто следствие семейной профессии или гимназического курса. Вступление в партию — поступок и политический выбор, сделанный в конкретной обстановке. Здесь важно не стереть личную волю рассуждением о «влиянии эпохи», но и не представить выбор как решение, возникшее в пустоте.

Позднее Бухарин описывал собственный путь в автобиографических материалах. Такие свидетельства ценны: сам человек сообщает, какие события считал важными. Но воспоминание — не прозрачное окно в детство. Взрослый автор знает, чем закончилась его история, и отбирает эпизоды с этой позиции. Партийные документы, школьные сведения и биографические исследования помогают проверить отдельные даты и обстоятельства; личные тексты позволяют увидеть, как Бухарин сам объяснял свой путь. Эти два типа источников не заменяют друг друга.

Как читать биографическую карту

У карты юного Бухарина есть практическое применение. Она помогает не только узнать несколько дат, но и разобраться, как вообще строится осторожное историческое объяснение.

Упражнение: составьте карту образовательной среды.

1. Отметьте документированные точки: города, школу, университет, известные даты.
2. Разделите выводы на три категории: «подтверждено», «вероятно», «неизвестно». Не переносите предположение в первую категорию только потому, что оно хорошо звучит.
3. Для каждого места задайте три вопроса: чему здесь можно было научиться, с кем можно было встретиться, какие ограничения существовали?
4. Проверьте, не превратили ли вы связь во времени в причинную связь. То, что человек учился в гимназии до вступления в партию, ещё не доказывает, что именно гимназия сделала его революционером.

5. Попробуйте сформулировать не один, а два возможных объяснения его выбора. Затем спросите, какие источники помогли бы различить эти версии.

Этот способ полезен и за пределами биографии Бухарина. Он защищает от соблазна читать прошлое как сценарий, где в детстве уже спрятан весь взрослый человек. Семья может дать навыки, школа — знания и связи, город — встречи и контрасты, исторический кризис — повод для действия. Но между условиями и поступком остаётся пространство выбора.

История Бухарина начинается не с готовой политической доктрины. Она начинается в семье, где образование было ремеслом; продолжается в гимназии и университете; расширяется за пределами классов — в городе, охваченном переменами. К началу взрослой жизни у него были средства понимать сложные идеи и среда, в которой эти идеи можно было проверить действием. Но окончательный переход от школьного мира к подполью не был предрешён ни профессией отца, ни уроками гимназии, ни самой картой Москвы.

Решающим становится 1905 год — не как магическая дата, объясняющая всё, а как момент, когда личная биография пересеклась с политическим потрясением страны. Следующий шаг — разобраться, как молодой человек превратил образование и городской опыт в конкретное обязательство: вступил в революционную борьбу и выбрал большевистскую партию.

Революция как выбор: 1905 год, подполье и вступление в большевистскую партию

В Москве 1905 года один и тот же день мог начинаться с урока, продолжаться спором о войне и заканчиваться тревожным известием о стачке. Для гимназиста это была не отвлечённая «эпоха перемен»: политика входила в повседневность через газету, разговоры взрослых, закрытые собрания, полицейские облавы и внезапно опустевшие улицы.

Представим такого юношу — но не будем выдавать воображаемую сцену за документальный эпизод из жизни Николая Бухарина. Источники не позволяют восстановить каждый его день и каждую встречу. Они позволяют сказать важное, но более сдержанное: в революционное движение он включился ещё подростком, в 1905 году, а в 1906-м вступил в большевистскую фракцию Российской социал-демократической рабочей партии. Между этими двумя датами — не готовый сценарий, который история разыграла перед ним, а пространство выбора.

Чтобы понять его масштаб, сначала нужно взглянуть не на юного москвича, а на страну.

Когда кризис становится личным

К началу XX века Российская империя сохраняла самодержавный порядок: верховная власть не зависела от парламента, политические свободы были ограничены, рабочие не имели легальных средств влиять на условия труда, а крестьянский вопрос — прежде всего вопрос земли — оставался болезненно нерешённым. Это не означало, что все подданные одинаково хотели революции. Недовольство было разным, разрозненным и часто противоречивым. Но оно накапливалось.

Русско-японская война усилила ощущение слабости и несправедливости государства. 9 января по старому стилю, или 22 января по новому, 1905 года мирное шествие рабочих к Зимнему дворцу в Петербурге завершилось расстрелом. «Кровавое воскресенье» стало потрясением не потому, что каждый участник шествия внезапно сделался революционером, а потому, что прежняя вера в возможность быть услышанным через обращение к царю для многих оказалась разрушена.

Дальше кризис распространялся волнами. Забастовки охватили города, требования политических свобод соединялись с требованиями о зарплате и рабочем времени. Возникали советы — новые органы коллективного представительства, не предусмотренные старым государственным устройством. Осенью всероссийская стачка заставила власть пойти на уступки. Манифест 17 октября по старому стилю, 30 октября по новому, обещал гражданские свободы и законодательную Думу. Но обещание не означало немедленного превращения империи в устойчивую парламентскую систему. В декабре вооружённое восстание в Москве было подавлено.

Эта хронология важна ещё и потому, что в России тогда пользовались юлианским календарём. Поэтому одни и те же события в источниках могут иметь две даты. Исторiku приходится переводить их из одного календаря в другой; читателю — помнить, что расхождение в тринадцать дней не обязательно означает ошибку.

Революция 1905 года не была прямой дорогой к большевистской власти 1917-го. Она могла закончиться победой, поражением, реформой, новой волной репрессий или изменением самого движения. Участники не знали, какой вариант станет реальностью. Именно это незнание и делает политический выбор подлинным: выбирать приходится не после того, как развязка уже известна, а внутри неопределённости.

Что можно утверждать о Бухарине

Николай Бухарин родился в Москве в 1888 году. В разгар революции ему было шестнадцать-семнадцать лет. Биографические источники связывают его раннее участие с учениче-

ской и молодёжной средой, а затем — с революционной агитацией. В 1906 году он вступил в большевистскую фракцию РСДРП.

Это — опорные точки. Но точность здесь требует не заполнять пробелы красивыми, но неподтверждёнными сценами. Мы не должны без надёжного свидетельства помещать Бухарина на конкретную баррикаду, приписывать ему участие в определённой демонстрации или пересказывать его внутренний разговор с самим собой. Общая картина московских волнений — ещё не личная биография каждого москвича.

Источники о раннем Бухарине неодинаковы. Партийные анкеты и автобиографические справки дают сведения о его политическом пути, но создавались людьми, уже включёнными в партийную жизнь. Воспоминания могут сохранить личные детали, однако память перестраивает прошлое под позднейший опыт. Поздние биографии сопоставляют эти свидетельства с документами, но тоже предлагают интерпретацию, а не прозрачное окно в юность героя. Полиция, если она фиксировала деятельность активистов, наблюдала за ними с другой стороны: её документы могли хорошо отмечать связи и подозрения, но плохо передавать мотивы.

Полезно удерживать два уровня рассказа. Первый — то, что подтверждается биографической хронологией: раннее участие в движении, вступление в большевистскую фракцию в 1906 году. Второй — реконструкция того, почему этот путь мог казаться привлекательным молодому человеку. Она необходима, но её следует честно называть реконструкцией.

Важно и календарное расстояние между событиями. Бухарин не вступил в партию в день Кровавого воскресенья и не сделал этого автоматически под воздействием одной демонстрации. 1905 год создал кризис и политическую атмосферу; партийное решение оформилось в 1906-м. Между потрясением и выбором была работа мысли — возможно, не систематической, но уже направленной на вопрос: кто способен изменить порядок и каким способом?

Большевистская фракция: не просто громкое имя

В 1906 году «большевистская партия» ещё не была отдельной партией в позднейшем, привычном смысле. Бухарин вступал в большевистскую фракцию внутри РСДРП — Российской социал-демократической рабочей партии. Разделение между большевиками и меньшевиками началось на партийном съезде 1903 года и касалось не только названий. Спор шёл о членстве, устройстве организации, стратегии и соотношении революционных сил. Окончательно раздельными организациями большевистская и меньшевистская партии стали позднее.

«Большевики» — слово, связанное с большинством на одном из голосований съезда, — не было точным описанием постоянного большинства в стране или даже в рабочем движении. За ним стояло направление, которое придавало особое значение централизованной, дисциплинированной организации и руководящей роли подготовленных революционеров. Меньшевики в целом выступали за более широкое партийное членство и иначе представляли этапы политического развития и сотрудничество с другими силами. Это различие не следует превращать в карикатуру: обе стороны меняли тактику, спорили внутри социал-демократии и искали ответ на кризис империи.

Почему большевистская модель могла привлекать молодых активистов? Она предлагала не только объяснение несправедливости, но и средство действия. Если старый порядок устойчив, значит, недостаточно просто возмущаться. Нужны связи, печать, агитация, дисциплина и организация, способная продолжать работу, когда легальная политика перекрыта. Марксизм давал язык, в котором разрозненные конфликты можно было связать: рабочие требования, собственность, государство, классовая борьба. Для человека, желавшего быть не наблюдателем, а участником истории, эта цельность могла обладать сильным притяжением.

Но у цельной картины есть и опасная сторона. Она способна превращать сложные различия в слишком простое деление на союзников и врагов. Организационная дисциплина помогает выдерживать давление, но может ставить под подозрение самостоятельное суждение. Секретность защищает участников от полиции, но требует скрывать связи и не доверять незна-

комым. Вера в историческую необходимость придаёт мужество, но может заставить оправдывать средства будущей победой.

Поэтому вступление в подпольную организацию было не только знакомством с идеями. Это был выбор формы жизни. Подполье не следует романтизировать как череду захватывающих приключений. В общем случае оно означало конспирацию, ограничения на публичные контакты, риск наблюдения и ареста, разрыв с привычным распорядком. Оно затрагивало не одного активиста: осторожность распространялась на знакомых и близких, а политическая работа могла повлечь за собой последствия для людей, которые не выбирали её сами.

Мы не знаем, как именно Бухарин оценивал каждую из этих опасностей в шестнадцать или семнадцать лет. Но сам факт вступления в большевистскую фракцию позволяет говорить о принятии политической идентичности. Теперь он принадлежал не просто к кругу недовольных порядком. Он связывал себя с определённой организацией, её языком, целями и дисциплиной.

Как не спутать эпоху с биографией

Для чтения истории полезно разделять три слоя.

1. События эпохи. Стачки, манифест, восстание и репрессии показывают, в какой обстановке приходилось делать выбор. Но они сами по себе не доказывают, где находился конкретный человек и что он делал.

2. Подтверждённые биографические факты. В случае Бухарина это его раннее включение в революционное движение и вступление в большевистскую фракцию в 1906 году. Факты очерчивают маршрут, но не всегда открывают внутренние причины.

3. Интерпретации мотивов. Мы можем предполагать, что значение имели стремление к справедливости, привлекательность марксистского объяснения, влияние окружения или желание участвовать в преобразовании общества. Однако предположение не следует выдавать за прямое признание самого Бухарина.

Такое различие не делает рассказ суше. Напротив, оно возвращает человеку свободу. Если всё объяснить одной «неизбежностью эпохи», Бухарин окажется фигурой на шахматной доске. Если же приписать ему полностью сформировавшийся в юности план будущего, мы заменим реального подростка героем легенды. Историческая честность удерживает середину: обстоятельства сужали и расширяли выбор, но не отменяли его.

Практика исторического выбора

Эту главу можно читать не только как биографию, но и как упражнение в работе с политическими решениями. Оно применимо и к сегодняшним спорам, хотя современные условия нельзя прямо приравнять к самодержавной России.

1. Составьте две хронологии. В первой перечислите события 1905 года: январские события, стачки, Манифест, московское восстание. Во второй — известные этапы ранней биографии Бухарина: участие в движении в 1905-м, вступление в большевистскую фракцию в 1906-м. Не объединяйте строки, если источник не связывает их напрямую. Так становится видно, где заканчивается контекст и начинается доказанный биографический факт.

2. Проверьте каждое утверждение. Пометьте его как документ, воспоминание, позднейшую биографическую оценку или собственный вывод. Например, «Бухарин вступил в большевистскую фракцию в 1906 году» — биографическое утверждение, поддержанное источниками. «Он сделал это из-за события X» — уже объяснение мотива, которому нужны отдельные свидетельства.

3. Сопоставьте цель и средства. Спросите о политической организации не только «чего она хочет?», но и «как она действует?», «какой риск возлагает на участников и окружающих?», «что происходит с несогласием внутри неё?». Для исторического деятеля важны и заявленные цели, и методы, которыми он готов их достигать.

Такой разбор не требует от читателя немедленно вынести приговор юному Бухарину. Он помогает увидеть цену решения без снисходительности и без восхищённой романтизации.

Подросток, вступающий в подпольную политическую организацию, не обязан заранее предвидеть весь свой путь. Но выбор всё равно имеет последствия: он меняет круг общения, доступные возможности, язык, которым человек объясняет мир, и пределы допустимого для него.

В 1905 году российский порядок впервые за долгое время оказался перед открытым массовым вызовом. Революция не дала простого ответа, зато поставила вопрос, который нельзя было отложить: достаточно ли наблюдать, или нужно присоединиться к тем, кто намерен изменить устройство страны? Бухарин ответил не одним жестом и не в один день. Его раннее участие в движении, а затем вступление в большевистскую фракцию складывались на пересечении убеждений и обстоятельств.

Так начинается его политическая биография — не с легенды о неизбежности, а с решения, которое в тот момент ещё не обещало ни победы, ни славы. Оно обещало прежде всего работу, дисциплину и риск. Позднее подполье, арест и вынужденный отъезд заставят его жить уже в другом масштабе партийной борьбы. Но первый шаг был сделан в Москве, среди молодых людей, пытавшихся превратить тревогу за настоящее в программу будущего.

Между Россией и эмиграцией: Ленин, партийная борьба и становление теоретика

Декабрь 1915 года. В Европе гремит война, границы становятся препятствиями, а социалистические партии спорят о том, как объяснить происходящее и что делать дальше. В этом мире разрозненных адресов, цензуры и переправляемых из рук в руки рукописей Ленин датирует предисловие к книге Николая Бухарина «Мировое хозяйство и империализм».

Этот небольшой факт многое говорит об их отношениях. Ленин не просто признавал способного молодого большевика: он видел в нём автора, чьи выводы достойны внимания и проверки. Но признание не означало согласия со всеми выводами. Бухарин уже не был учеником, который повторяет формулы учителя. Он становился теоретиком — человеком, способным строить собственную картину эпохи, а значит, спорить с теми, чьё мнение имело наибольший вес.

Чтобы понять, как это произошло, нужно представить не одну партийную кухню, а целую карту перемещений: российское подполье, Вену, Швейцарию, Скандинавию, Нью-Йорк. Между Россией и эмиграцией Бухарин учился одновременно двум вещам: читать устройство общества и выяснять, что из этого чтения следует для политического действия.

Эмиграция — не каникулы от политики

Подпольная работа приучала к осторожности, дисциплине и конкретным задачам: связаться, передать, организовать. Эмиграция открывала иной горизонт. В Европе можно было следить за партийной прессой, читать новые экономические книги, сопоставлять социалистические школы. Но это не была спокойная университетская передышка. Политическая полиция, нехватка денег, смена стран и раскол внутри социалистического движения превращали эмигрантскую жизнь в постоянную работу на неустойчивой почве.

После арестов и ссылки Бухарин покинул Россию. В начале 1910-х годов он оказался в эмигрантской среде, затем жил в Вене, где погрузился в экономические споры и внимательно изучал европейскую марксистскую литературу. Здесь его интересовало не только то, как капиталисты получают прибыль, но и то, как экономические отношения превращаются в политическую власть. Это различие позднее станет центральным для его анализа империализма.

К тому времени большевистская фракция уже существовала не только как набор личных связей: после многолетних конфликтов она оформлялась в отдельный политический центр со своей прессой, организацией и представлением о партийной дисциплине. Ленин находился в эпицентре этих процессов. Бухарин соприкасался с ним через партийную работу, переписку и личные встречи, важные контакты между ними относятся к 1912 году. Но их близость не была простой схемой «старший наставник — младший последователь». Ленин мог поддерживать работу Бухарина и одновременно требовать от него строгой проверки политических выводов.

В эмигрантском мире теория не висела в воздухе. Спор об экономике был спором о том, что писать в партийной газете, какие лозунги поддерживать и как удерживать рабочее движение от национализма и политической беспомощности. Ошибка в анализе, казалось, могла обернуться ошибкой в стратегии. А верный анализ ещё требовалось перевести на язык, понятный партии и связанным с ней людям.

Как устроена новая эпоха

Первая мировая война разрушила привычные представления о европейской цивилизации как о движении к миру и прогрессу. Индустриальные общества, обладавшие огромными научными и техническими возможностями, обрушили эти возможности друг на друга. Для марксиста вопрос был не только в том, почему началась война, но и в том, какое устройство капитализма сделало её возможной.

Бухарин подходил к задаче как теоретик, стремившийся собрать разрозненные факты в единую конструкцию. В книге «Мировое хозяйство и империализм», написанной в 1915 году, он рассматривал капитализм не как сумму отдельных стран, а как всемирную систему. Внутри неё конкуренция не исчезала, но меняла форму: крупные монополии, финансовые группы и государственные аппараты теснее соединялись. Государство становилось не внешним наблюдателем экономики, а одной из сил, которая организует интересы национального капитала и защищает их, в том числе военной мощью.

Образ Бухарина — «государственно-капиталистический трест» — помогал увидеть важную тенденцию: частный капитал и государственная власть всё теснее срастаются. Речь шла не обязательно о том, что все предприятия буквально переходят государству. Смысл был в другом: хозяйство концентрируется, государство всё активнее направляет экономическую жизнь, а экономическая конкуренция всё заметнее приобретает политическое и военное продолжение.

Ленин в те же годы писал «Империализм, как высшая стадия капитализма» — работа была создана в 1916-м и опубликована в 1917 году. Их анализы имели много общего: монополии, финансовый капитал, борьба за рынки и раздел мира. Ленин высоко оценил книгу Бухарина и написал к ней предисловие. Однако он иначе расставлял акценты, особенно там, где из экономической интеграции выводились политические заключения. Для Ленина было важно удерживать в поле зрения не только общую концентрацию капитала, но и неравномерность развития стран, борьбу за передел мира и реальные различия между государствами и народами.

Это не история о двух полностью противоположных теориях. Скорее, Бухарин особенно отчётливо показывал движение капитализма к крупным объединённым блокам, а Ленин настойчиво напоминал: тенденция ещё не отменяет противоречий и не диктует автоматически единственный политический ответ.

Спор о самоопределении

Именно здесь обнаружился один из самых серьёзных разломов. Первая мировая война сделала национальный вопрос особенно острым. Империи воевали за территории и влияние; правительства призывали население забыть о классовых различиях ради «национального единства». Социалистам предстояло решить, можно ли поддерживать право народов самим определять свою судьбу, не превращая такую поддержку в помощь национальной буржуазии.

Бухарин опасался, что лозунг национального самоопределения будет уводить рабочих от общей классовой борьбы. Капитал всё больше связывал страны в мировую систему, рассуждал он; национальная обособленность становится всё менее реальной, а требование самостоятельной государственности может оказаться удобным орудием для местных правящих групп. Это было не равнодушие к угнетению, а опасение, что демократический лозунг поглотит социалистическую цель.

Ленин возражал: экономическая взаимосвязанность не отменяет политического насилия и национального неравенства. Поддержать право нации на отделение — не значит рекомендовать каждой нации отделяться и не значит поддерживать любую национальную буржуазию. Это значит признать право выбора, в том числе для того, чтобы рабочие угнетающей нации не прикрывали лозунгами единства господство своего государства.

В этом различии скрывался практический вопрос: может ли международная солидарность быть подлинной, если рабочим предлагают игнорировать притеснение, которое они видят вокруг себя? Ленин считал, что нет. Сначала нужно признать право на свободу, а затем бороться за то, какое содержание эта свобода получит. Бухарин сильнее подчёркивал риск раскола и манипуляции национальными чувствами.

Ленин подробно спорил с подобными взглядами, в том числе в работе «К карикатуре на марксизм и об “империалистическом экономизме”», написанной в 1916 году. Существенно, что он оспаривал не личные мотивы Бухарина, а ход рассуждения: из того, что экономика становится международной, не следует, будто политические права народов перестали иметь

значение. Нельзя перескочить от общей тенденции к готовому лозунгу, не проверив, как эта тенденция проявляется в конкретной стране.

Свести этот спор к формуле «Бухарин был неправ, Ленин был прав» — значит потерять его смысл. Бухарин заставлял увидеть опасность подмены классовой политики национальной мобилизацией. Ленин показывал другую опасность: отказ от демократических требований может превратить интернационализм в красивое слово, за которым остаётся привычное право сильного решать за слабого.

Узлы спора

Вопрос

Тезис Бухарина

Позиция Ленина

Историческая ситуация и последствия спора

Империализм и государство

Капитал концентрируется, а национальный капитал и государственный аппарат всё теснее срастаются, формируя государственно-капиталистические блоки.

Ленин разделял анализ монополий и срастания капитала с властью, но сильнее подчёркивал неравномерность развития, соперничество держав и борьбу за передел мира.

Война показала, что экономическая конкуренция способна переходить в военное столкновение. Спор помог большевикам описывать империализм как систему, но предостерегал от превращения общей тенденции в слишком гладкую схему.

Самоопределение народов

В условиях мировой интеграции лозунг национального самоопределения может отвлекать рабочих от общей классовой борьбы и обслуживать национальную буржуазию.

Право на самоопределение, включая право на отделение, нужно поддерживать, не отождествляя признание права с призывом к отделению.

Война сопровождалась националистической пропагандой и борьбой империй. Ленинская позиция требовала отличать добровольное единство от принуждения; бухаринская подчёркивала риск того, что национальный лозунг вытеснит классовый.

От теории к политической программе

Общие изменения в мировом хозяйстве требуют укреплять единство рабочего движения и остерегаться политических лозунгов, которые могут его расколоть.

Экономические тенденции не отменяют конкретных демократических задач: прежде чем говорить о единстве, необходимо учитывать реальные формы угнетения и политического неравенства.

Главный вопрос состоял не только в том, как объяснить капитализм, но и в том, какие требования выдвигать здесь и сейчас. Спор показывал, что программа не выводится автоматически из теории: её приходится проверять на политических последствиях.

Таблица намеренно не превращает их позиции в две герметичные коробки. В споре об империализме они во многом стояли на общей почве; в вопросе самоопределения расхождение было гораздо резче. Хороший разбор обязан отмечать и общность исходных предпосылок, и границы согласия.

Нью-Йоркская мастерская

В 1914 году война изменила эмигрантскую карту. Бухарин, оказавшийся под подозрением как российский подданный, был задержан австрийскими властями и выслан. После пере-

мещений через Швейцарию и Скандинавию в 1916 году он оказался в Нью-Йорке. Там русско-язычная газета «Новый мир», в работе которой участвовали также Лев Троцкий и Александра Коллонтай, стала не просто редакцией. Она была мастерской политического языка: события нужно было объяснять читателю, который жил далеко от России, но следил за ней через новости, письма и партийные споры.

Газетная работа проверяет теорию на прочность. Сложное понятие должно объяснять конкретное событие; политический вывод — выдерживать вопрос о том, кому он поможет и какой риск создаёт. В таких условиях Бухарин учился не только строить концепции, но и связывать их с повседневной партийной борьбой. Его собственная интонация складывалась из способности видеть большие структуры и привычки превращать их в аргумент.

При этом географическая дистанция не означала, что все большевики думали одинаково. Эмиграция связывала людей, но не устраняла споров; газета становилась общим рабочим пространством, но не общей точкой зрения. Ленин влиял на Бухарина как сильный полемист и политический руководитель, однако это влияние не стирало самостоятельности молодого теоретика. Само наличие ленинского предисловия к книге Бухарина — важный знак сотрудничества, но не свидетельство полного согласия.

Как читать политический спор

История Бухарина полезна не только как биография одного большевика. Она показывает, как не запутаться в споре, где стороны говорят об одном кризисе, но видят разные опасности. Для этого можно использовать три практических шага.

1. Разделить диагноз и решение. Сначала спросите: как автор описывает устройство общества? Затем — какой политический шаг он предлагает? Бухарин и Ленин могли сходиться в диагнозе усиления монополий, но по-разному оценивать последствия для национальной политики.

2. Уточнить, чего боится каждая сторона. Бухарин опасался подчинения классовой борьбы национальным интересам. Ленин опасался, что отказ признать право угнетённых народов на выбор сохранит господство сильной нации. Восстановив эти опасения, легче увидеть логику спора и труднее свести оппонента к карикатуре.

3. Проверить политическое следствие. Что произойдёт, если принять этот тезис как лозунг? Кто получит больше свободы действий? Кто окажется обязан молчать? Такое сопоставление переводит абстрактную дискуссию в область практических последствий — именно там и проверяется качество политической мысли.

Для самостоятельного чтения полезно положить рядом предисловие Ленина к «Мировому хозяйству и империализму», саму книгу Бухарина и ленинские работы о праве наций на самоопределение. В каждой отметьте три вещи: общий диагноз, точку расхождения и предлагаемый политический вывод. Не ищите одного решающего афоризма: важны ход аргумента и условия, в которых он создавался.

Возвращение к незавершённому спору

Весной 1917 года Бухарин возвращался в Россию из Нью-Йорка через Японию и Сибирь. Он ехал уже не только как подпольный активист и не только как человек, переживший эмигрантские переезды. За его плечами были годы партийных столкновений и работа над вопросами, на которые война заставила искать срочный ответ: как устроена новая капиталистическая эпоха, что означает национальное равноправие и где проходит граница между единством и принуждением.

Его отношения с Лениным тоже нельзя было свести к ученичеству. В них соединялись сотрудничество, признание и несогласие; общая революционная задача не отменяла самостоятельности суждения. Именно спор помог Бухарину выработать политический язык: видеть систему, не забывая о живых людях, на которых эта система действует, и проверять теорию вопросом о её последствиях.

В Россию Бухарин возвращался с набором ответов, но не с окончательной схемой будущего. Впереди был 1917 год — момент, когда рассуждения об империализме, партии и политических правах должны были стать решениями новой власти. Там интеллектуальный спор впервые предстояло проверить не газетной статьёй, а самой революцией.

1917 год: возвращение, революция и первые решения новой власти

Весной 1917 года можно было вернуться домой и обнаружить, что дом уже сменил власть — но ещё не понял, кто будет в нём хозяином. Николай Бухарин уезжал из России при старом режиме, а вернулся в страну, где монархии уже не было, улицы спорили о войне и земле, а политические лозунги впервые за долгое время могли стать решениями правительства.

В феврале Бухарин находился в Нью-Йорке. Он не был участником петроградских событий, которые свергли царскую власть, и не должен задним числом превращаться в их очевидца. Его 1917 год начался не на баррикаде, а в дороге: через Японию он добирался в Россию и в мае оказался в Москве. Революция уже совершила первый переворот, но ещё не выбрала окончательного направления. Именно в эту зыбкую пору — между падением монархии и захватом власти большевиками — Бухарин стал одним из заметных московских большевистских деятелей.

Чтобы понять его роль, важно всё время различать три вещи: что происходило в стране, что решала партия и что лично делал Бухарин. В революционный год эти линии пересекались, но не совпадали.

Поворотный момент

Что происходило в стране

Решения и положение большевиков

Где был и что делал Бухарин

Февраль — март

Падение монархии, создание Временного правительства и Советов

Партия не контролирует ситуацию; внутри Советов сильны эсеры и меньшевики

Находится в эмиграции в США, в событиях февраля не участвует

Апрель — май

Война продолжается, растёт недоверие к правительству

Ленин предлагает курс на переход всей власти к Советам

Возвращается в Россию, включается в работу московских большевиков

Июль — август

Военные неудачи, протесты, попытка Корнилова изменить политический баланс

Большевики переживают преследования, затем укрепляют влияние; Бухарин избран в

ЦК

Работает в Москве, становится заметным партийным организатором

Сентябрь — октябрь

Правительственный кризис, распад прежней дисциплины, борьба за Советы

Большевистское руководство принимает курс на восстание

Поддерживает восстание и действует в московском партийном руководстве

Ноябрь — декабрь

Возникает новая власть, начинаются первые преобразования

Принимаются декреты о мире и земле, создаются новые органы управления

Остаётся частью большевистского движения, но не единоличным автором решений правительства

Страна после Февраля: власть появилась, согласия не появилось

Февральская революция началась в Петрограде забастовками и демонстрациями, вызванными нехваткой хлеба, усталостью от войны и общим недоверием к власти. 23 февраля (8 марта по новому стилю) рабочие вышли на улицы. Затем к ним присоединились солдаты. Старая власть не смогла удержать верность гарнизона, а Николай II отрёкся от престола 2 марта (15 марта).

Но падение монархии не означало появления единого центра, которому страна безоговорочно подчинялась. Временное правительство заявляло, что будет управлять Россией, а Советы рабочих и солдатских депутатов выражали другую форму общественного представительства. Это часто называют двоевластием, но слово может создать слишком аккуратную картину: будто рядом стояли два учреждения с чёткими границами полномочий. На деле между ними шли переговоры, соперничество и постоянная проверка силой — кто способен добиться исполнения своих решений.

В первые месяцы большевики не были большинством ни в стране, ни в Советах. Влиятельнее оставались эсеры и меньшевики, рассчитывавшие на сотрудничество с Временным правительством. Вопросы, от которых зависело повседневное существование людей, оставались открытыми: продолжать ли войну, кому должна принадлежать земля, как остановить рост цен и кто вправе отдавать приказы солдатам. Февраль сверг старую власть, но не передал новой готовую программу и исправный государственный механизм.

Это важное различие: политический кризис может разрушить прежний порядок быстрее, чем общество выработает согласованный новый. Революция не была поездом, который уже знал конечную станцию. В 1917 году существовало несколько возможных маршрутов — от парламентской республики до социалистической революции, от продолжения войны до скорейшего мира. Люди выбирали между ними под давлением событий, часто не имея уверенности в последствиях.

Возвращение в революцию

Когда Бухарин приехал в Москву в мае, он оказался в стране, где политическая активность вышла далеко за пределы партийных собраний. Рабочий мог обсуждать управление фабрикой, солдат — спорить о том, зачем идти в наступление, крестьянин — ждать передела земли. Для профессионального революционера это была новая среда: подпольная агитация уступала место открытой массовой политике, а влияние измерялось уже не только числом убеждённых партийцев, но и способностью объяснить свою позицию миллионам людей.

В Москве Бухарин включился в работу местных большевистских организаций, выступал как агитатор и партийный деятель. Его возвращение не следует путать с возвращением руководителя, который одним приказом мог изменить курс страны. В тот момент он был частью быстро растущего движения, а не единоличным распорядителем его решений.

Пока Бухарин находился за границей, Ленин вернулся в Россию и в апреле выдвинул тезисы, требовавшие не поддерживать Временное правительство и добиваться перехода власти к Советам. Бухарин не участвовал в первоначальном обсуждении этих тезисов в Петрограде: он прибыл позже. Но уже в Москве ему предстояло работать в условиях, когда новая большевистская линия встречала сопротивление не только противников, но и тех, кто считал её преждевременной.

Здесь проявилась практическая трудность революционной политики. Лозунг «Вся власть Советам!» звучит ясно, пока не задан следующий вопрос: какой именно Совет, с каким составом, по какому мандату и с какими возможностями будет управлять? Весной Советы были

неоднородны и во многих местах поддерживали умеренные социалистические партии. Призыв к власти Советов ещё не означал автоматического перехода власти к большевикам.

Июльское испытание и новый масштаб

Летом положение резко обострилось. Продолжалась мировая война, наступление русской армии провалилось, в городах росли тревога и недовольство. В начале июля по старому стилю в Петрограде прошли вооружённые демонстрации — так называемые Июльские дни. Часть участников требовала немедленно передать власть Советам. Временное правительство ответило репрессиями: большевиков обвиняли в попытке переворота, их газеты закрывали, Ленина вынудили скрываться.

Эти события показали цену политического ускорения. Партия могла оказаться популярной среди тех, кто требовал перемен, но не обязательно могла в нужный момент направить протест и защитить его от разгрома. Большевистское руководство не просто двигалось вперёд: оно отступало, спорило о тактике, сохраняло организацию и пыталось понять, изменились ли условия настолько, чтобы вновь призывать к борьбе за власть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.